

Архаические черты в картине мира «Петербургских повестей»

Н.В.Гоголя

Существует традиционное мнение, что Гоголь открыл и ввел в русскую литературу тип «маленького человека», в сущности представляющего бытовое сознание и обыденное восприятие окружающего мира. Таков титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин, переписывающий бумаги «в одном департаменте». Имя и местоположение департамента не названы, да и едва ли известны самому персонажу. Гоголь не только показал бедность и социальное одиночество своего героя, но и построил целостную картину бытия, исходя исключительно из его миропонимания. Не случайно городское пространство «Петербургских повестей» поражает фантастичностью и плохо совмещается с реальными представлениями о жизни северной столицы 30-40-х годов XIX века.

Акакий Акакиевич настолько ничтожен и лишен каких бы то ни было индивидуальных черт, что неизменно является объектом издевательств и насмешек со стороны сослуживцев. Но он не замечает «шуток» и не испытывает к другим ни злобы, ни зависти, ни интереса. Он до отказа растворяет свое существование в работе, т.е. переписывании бумаг. Однако это рвение не сказывается на его служебном продвижении (едва ли он имеет представление о карьерном росте). Акакия Акакиевича характеризует совершенное равнодушие к материальной стороне жизни и полное незнание сферы удовольствий. Он, по словам Ю.В.Манна, будто специально создан, чтобы подтвердить свое «нехорошее имя»¹. Его предназначение – смирение и терпение, до полного самоуничтожения, которые, впрочем, даются ему совершенно естественно, без всякого надрыва и позы. Он не сознает скудости своего существования и ничего не знает о своем бескорыстии. Переписывание бумаг для Акакия Акакиевича – высокое служение; он одухотворяет буквы, наделяя их

свойствами живых существ. Выполняя свою работу как будто чисто механически, «маленький человек» вместе с тем ежедневно совершает жертвоприношение не названному по имени божеству. Акакий Акакиевич одновременно и автомат, и жрец. Не постигая смысла переписываемых бумаг, он приравнивает самый процесс переписывания к священному ритуалу. Такая поистине мистическая сосредоточенность на одном-единственном интересе или желании, свойственная «маленькому человеку», воспринимается писателем как проявление архаического или мифологического сознания. Описанный уход в себя не является при этом особой «привилегией» бедного человека, но возникает под давлением равнодушия и жестокости к нему жизни.

Окружающий мир, данный из глубины подобного сознания, выглядит причудливо, поскольку из него *выключаются реальные время и пространство*. Последнее имеет только два направления: из департамента – домой и обратно, – и может быть уподоблено листу бумаги (лишается объема). В департаменте Акакий Акакиевич переписывает по долгу службы; дома он делает то же самое для собственного удовольствия. Расстояние между департаментом и домом не показано, т.к. оно не существует для Акакия Акакиевича. Он ничего не замечает вокруг, смотрит исключительно себе под ноги, которыми «выписывает» те же буквы. И только столкнувшись с мордой лошади, везущей седока, Акакий Акакиевич в тот момент сознает, что он, кажется, не на середине строки, а скорее на середине улицы. Сосредоточенность на одном-единственном интересе объясняет и удивительную рассеянность героя, который появляется под окнами домов неизменно тогда, когда из них выкидывают «разную дрянь», и всякий раз уносит на шляпе арбузные или дынные корки, не замечая того.

История жизни Акакия Акакиевича описывается рассказчиком, близким по типу мировосприятия самому персонажу. Но если Акакий Акакиевич «лишен речи» и свои реакции на окружающее выражает только междометиями («того – этого»), то рассказчик строит внешне связную речь, в которой явно дает о себе знать архаическое сознание. Так, в описании рождения, а

также именованная герою давно прошедшее время и настоящее, в котором осуществляется акт рассказывания, сливаются в одно целое. В результате рождаются абсурдные словесные формулы, в которых нарушены представления о линейном течении времени, о процессах предшествующих и последующих («покойница-матушка <...> расположилась, как следует, окрестить ребенка», «подумала покойница» и др.). Составить мнение о возрасте Акакия Акакиевича также затруднительно: «Когда и в какое время он поступил в департамент <...>, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели все на *одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности* <...>, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже *совершенно готовым*, в вицмундире и с лысиной на голове» (III, 143; курсив здесь и далее мой. — Л.Е.). Возникает образ человека, не подвластного действию времени.

Еще более поражают пространственно-временные характеристики мира в «Записках сумасшедшего». Центральный персонаж этой повести, титулярный советник Поприщин влюблен в дочь директора департамента. Неустойчивое двоящееся сознание героя не выдерживает столкновения с реальностью. В тот момент, когда Поприщину открывается вся мера его обделенности и бесправия, он инстинктивно «прячется» в болезнь. По мнению Л.В.Пумпянского, из всех способов вытеснения человека в одиночество этот – самый изощренный («сумасшествие есть один из видов изгнания, вытеснения за пределы жизни. Этим оно сродни смерти»²...). Мировосприятие сумасшедшего представляется чистой беспримесной разновидностью мифологического сознания, проявляющего себя в абсолютной сосредоточенности на «спасительной» идее (в данном случае на идее королевского достоинства личности). То, что «испанский король отыскался» и что в него «превратился» бывший титулярный советник, радикально перестраивает картину мира. Отменяется время, традиционно измеряемое месяцами, числами и годами. Запись о важнейшем событии мировой жизни, когда Испания вновь обрела короля, помечена 2000-м годом, апрелем 43 числа. В прежней «ошибочной»

жизни в Поприщине видели всего лишь «нуль». Теперь, в ознаменование огромности события нуль утраивается и отождествляется с началом нового тысячелетия. «Апреля 43 числа» свидетельствует о глубоко личном характере наступающих перемен, т.к. число равняется возрасту персонажа, а месяц указывает на время рождения самого Гоголя. Следующая запись, говорящая о посещении Поприщиным департамента уже в «королевском» статусе, помечена датой «мартобря 86 числа». Здесь отменяются времена года (месяц, изобретенный Поприщиным, собирает воедино весну, осень и зиму); число представляет собой удвоение возраста персонажа, а в звуковом отношении (*восемь - шесть*) является аналогом слова «восшествие» (на престол)³. Дальнейшие записи, помеченные 30-м февруарием, 349-м февралем или январем, «случившимся после февраля», только подтверждают отмену прежнего порядка вещей и превращают самый короткий месяц едва ли не в годовой цикл.

Подобно времени, изменяется в «Записках» и пространство. Выясняется, что Испания находится очень близко (от чего?) и до нее не более получаса «шибкой езды»; что Испания на самом деле то же, что Китай: «я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай» (III, 212); в одной пространственной картине объединяются Италия и русские избы... В личном поведении Поприщин - «испанский король» стремится преодолеть рамки бытовых отношений, мыслит по крайней мере государственными масштабами и даже надеется защитить космический универсум. Узнав, например, что «завтра в семь часов <...> земля сядет на луну», Поприщин теряет покой, представляя себе «необыкновенную нежность и непрочность луны». «...Я <...> поспешил, – записывает Поприщин-король, – <...> дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну...» (III, 212). Реалии сумасшедшего дома последовательно обращаются (или превращаются) в голове безумца в картины «испанской действительности»; при этом во всех фантазиях и бредах героя присутствует последовательная «логика болезни».

Помимо уничтожения времени, происходящего вследствие однообразия работы, постоянной повторяемости всех ее элементов, бессобытийности

существования («Шинель») или вследствие невыраженности процессов постепенности и развития, когда *последний* в социальной иерархии человек «волшебным образом» становится *первым* («Записки сумасшедшего»), нужно отметить в картине мира «Петербургских повестей» также *двуполюсность* пространства. В «Шинели», например, последнее строится на двух координатах: «холод» – «тепло». С точки зрения сторон света в Петербурге воплощено только одно направление – север. Однако человеку нельзя постоянно пребывать в лютом климате; он инстинктивно ищет возможности согреться. От холода социальных отношений (над Акакием Акакиевичем смеются; спрашивают, когда будет его свадьба со старухой-хозяйкой, толкают под руку...) герой с головой погружается в мир букв, находя в нем замену человеческим связям. Мотив искомого тепла («юга» как стороны света) находит в повести буквальное выражение, подтверждая еще раз архаичность мировосприятия героя. Старая шинель или «капот» (=бабья одежда) не может согреть тело не только из-за ветхости: «капот» не соответствует «благородному званию» чиновника. «Тепло» связывается с идеей новой шинели, которая, с одной стороны, может вернуть Акакия Акакиевича в его среду, в чиновничий круг; а с другой стороны – буквально обогреть его тело. Не случайно Акакия Акакиевича «духовно питает» образ новой шинели, претендующей в том числе и на роль «подруги жизни». В повести немалое место занимает описание материального облика новой шинели. Еще до ее «рождения» портной Петрович мечтает «положить куницу на воротник», «пустить капишон на шелковой подкладке» и даже «застегивать воротник на серебряные лапки под апплике...» Акакий Акакиевич вместе с портным задолго обдумывает, «где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену». В результате «купили сукна очень хорошего. <...> На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который <...> был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцеvитей. Куницы не купили <...>, а вместо ее выбрали кошку лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу» (III, 155). Поразительна эта связь между вещью, матери-

альным предметом и самочувствием героя. Вместе с «идеей шинели» «...самое существование его (Башмачкина. – Л.Е.) сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» (Ш, 154).

Таким образом шинель является не символом чего-либо, а *реальной материализацией* мифологических представлений героя. «Первобытное мышление не знает абстракций. Оно манифестируется в конкретных действиях...»⁴, – пишет выдающийся исследователь фольклора. Жизнь архаического человека (именно таков «маленький человек» Гоголя) целостна, не знает аналитического расчленения, поэтому и примитивная трудовая деятельность (переписывание, например), и быт (буквальная забота о поддержании существования) проникнуты мифологическим сознанием. Служба не обособилась для Акакия Акакиевича в самостоятельную область; его работа так проста и рутинна, что не требует осмысления. «Неверно, – объясняет О.М.Фрейденберг, – что мифы существовали <...> только в одной области – в области воображения, а в другой, практической, человек будто бы трезво осознавал опыт и житейские акты. На самом деле таким же мифом служат и действия, и вещи, и «быт» первобытного человека. То есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание».⁵

Важно подчеркнуть еще раз *реализм* мифологического мышления и чувственную предметность мира, в котором пребывает мифологический человек. Например, герой «Записок сумасшедшего» Поприщин не может понять такое устройство жизни, когда «все лучшее достается или камер-юнкерам или генералам». Он не в силах увидеть разницу между титулярным советником и, скажем, камер-юнкером, поскольку эта разница, эти «преимущества» того или иного чина не имеют прямого *физического* выражения. Что значит быть камер-юнкером? Ведь не рождается камер-юнкер с каким-то

особым отличием, выделяющим его из рода человеческого (например, с третьим глазом во лбу); «ведь у него же нос не из золота сделан <...>, ведь он им нюхает, а не ест; чихает, а не кашляет...» (III, 206). Точно так Поприщин не в состоянии осознать, «почему он титулярный советник и с какой стати он титулярный советник?» Разве нельзя допустить, что он граф или генерал, а только *кажется* титулярным советником?! В детски-наивной форме высказывается мысль о *странности* или *призрачности* современной жизни с ее иерархичностью, делением на сословия, привилегиями для одних и запретами для других. «Человеческий субъект на данной стадии развития (т.е. человек архаического первобытного мышления. – Л.Е.), – пишет А.Ф.Лосев, – есть не что иное, как только физическое тело, находящееся во всецелой зависимости от окружающих стихийных сил и чувствующее себя только слепым орудием в руках тоже слепого хаоса вещей»⁶. Для Поприщина получить королевский статус означает прежде всего «сшить королевскую мантию», т.е. в его безумной логике изрезать ножницами вицмундир титулярного советника, *изменив покрой прежнего платья*. Внешнее для него не противопоставлено внутреннему, а сливается с ним: меняется одежда – меняется человек. Система социальных связей, следовательно, замещается для архаического мышления образом вещи, конкретного предмета.

Если говорилось о двуполюсности пространства «Петербургских повестей», в котором представлена только координата север-юг, а, скажем, направление запад-восток принципиально отсутствует, то необходимо отметить и, может быть, формируемую таким пространством двуполюсность человеческого характера, или точнее – неизбежность для персонажа Гоголя находиться *между* двумя противоположными точками или двумя поведенческими полюсами. Потенциальное присутствие в человеке несовместимых возможностей, неотчетливость границ между ними, т.е. оксюморонность характеров, Я.Э.Голосовкер⁷ считал несомненным проявлением мифологического сознания. Так, в Башмачкине отсутствие лица, самоумаление «до размеров мухи» сочетается со смирением и жертвенностью – качествами святого; механиче-

ское переписывание – со страстью к данному роду занятий (мертвый/живой); младенческая незащищенность и неискушенность – с приличными летами (ребенок/старик) и т.д. При этом ни одно из названных состояний не реализуется полностью. В фамилии героя «Записок сумасшедшего» также заложено двоение между качествами противоположного содержания: «поприще» обещает осуществление высокого человеческого потенциала, «прыщ» – пародирует эту претензию (другие оппозиции, в которых проявляется «лицо» Поприщина: нуль/король; возвышение/падение; бытовая осмотрительность, «ум»/безумие...).

Переход из одного состояния в другое, противоположное происходит в «Петербургских повестях» не в результате медленного и постепенного развития, а посредством метаморфоз, т.е. произвольных скачков. В этом случае Гоголь пародирует принцип всеобщего оборотничества, характерный для взаимоотношений человека с богами в настоящей мифе, в котором «жизнь ощущается, словами Э.Кассирера, как неизбежно непрерывное целое <...>. Внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Если есть какая-либо характерная выдающаяся черта мифологического мира и закон, по которому он живет, – это закон метаморфоз».⁸

Однако в поэтике Гоголя фигура превращения, являясь базовой в создании условной действительности «Петербургских повестей», не помогает разрешению проблемы человека. Персонаж с архаическим мышлением, не умея отделить себя от окружающей среды и подвергнуть анализу собственное существование, обречен на скачкообразные «изменения» – в направлении ничтожества или силы, мертвого или живого, высокого или низкого... Эти превращения, как будто проявляя постоянные трансформации (рост, движение) жизни, на самом деле только подчеркивают ее глубокую закоснелую неподвижность. Метаморфоза безгласного Акакия Акакиевича в мертвеца-мстителя, наводящего ужас на жителей Петербурга, обнаруживает невозможность освобождения от «законов жизни» даже после смерти. Акакий Акакиевич возвращается в роли «заложного покойника»⁹, не знающего успо-

коения, не способного завершить свои жизненные дела и опасного для живущих. Другое превращение: оживление шинели «на толстой вате», ее переход в мир человеческих отношений – свидетельствует о глубоком неблагополучии этого мира и чреват человеческими жертвами. В «Невском проспекте» метаморфоза чудного поэтического создания в обитательницу публичного дома стоит жизни художнику Пискареву. В повести «Нос» часть тела, своевольно отделяясь от целого, претендует на самостоятельность и отдельность существования. Человек-нос характеризуется набожностью, имеет чин статского советника и собирается навсегда покинуть Петербург. Настоящий хозяин Носа – майор Ковалев унижен и раздавлен. К счастью, это происшествие из области сновидений-кошмаров только пугает; однако оно дает «портрет подсознания» Ковалева и обнаруживает его рабскую зависимость от собственной мелочной амбициозности и собственных эротических влечений. В «Записках сумасшедшего» сказочный сюжет воцарения или волшебного превращения последнего в общественной иерархии человека в первого завершается совсем не сказочно. Приведенных «примеров» достаточно для вывода: гоголевский персонаж на самом деле является только травестией подлинного мифологического человека, сознание которого имеет глубочайшие связи с сакральными (божественными) основами бытия. Вместе с тем, используя архаическое мышление своего героя, на пронзительном «детском» языке Гоголь ставит вопросы о важнейших проблемах человеческого существования.

¹ См.: *Манн Ю.* Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. Вып.1.

² *Пумпянский Л.В.* О «Записках сумасшедшего» Н.В.Гоголя // Л.В.Пумпянский. Классическая традиция: Собр. тр. по истории русской литературы. М., 2000. С.329.

³ Наблюдение И.Д.Ермакова. См.: *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В.Гоголя // И.Д.Ермаков. Психопсихология литературы. М., 1999. С.306-308.

⁴ *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1946. С.96.

⁵ *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С.28.

⁶ *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. М., 1982. С.274.

⁷ *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987. С.34 и др.

⁸ *Cassirer E. Essay of Man. Yale Univ. press, 1944. P.81.*

⁹ Наблюдение А.Х.Гольденберга; см. его кн.: *Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В.Гоголя. Волгоград, 2007.*